

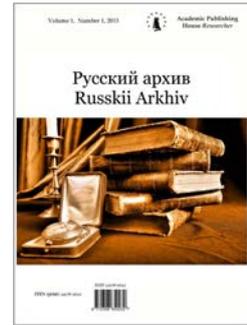
Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 8, Is. 2, pp. 148–161, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.8.148

www.ejournal16.com

UDC 929/947.0

“I Have Passed from Stalingrad to Berlin”: Interview with Vasily Ivanovich Peretyatko

Preparing for publication, introduction, and commentary
Evgeny F. Krinko

Institute of Social and Economic Research Southern Scientific Center
Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
Dr. (History)
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Tatiana G. Kurbat

Institute of Social and Economic Research Southern Scientific Center
Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
E-mail: narodwar@mail.ru

Abstract

Interview with Vasily Ivanovich Peretyatko was about his military biography and everyday life at the front during the Great Patriotic War. V.I. Peretyatko participated in the Kharkov battle, Stalingrad battle, in the breakthrough of Mius-Front, the liberation of Rostov region, Ukraine, Belarus, Poland, Czechoslovakia, the storming of Konigsberg and Berlin.

Keywords: V.I. Peretyatko, Great Patriotic War, front-line daily, oral history, war memoirs.

Василий Иванович Перетяtko (1923–2012) родился в хуторе Песчаном (в настоящее время – в составе Кашарского района Ростовской области). В 1941 г. окончил 10 классов, но дальнейшие планы продолжить учебу в педагогическом институте нарушила Великая Отечественная война. Несколько месяцев В.И. Перетяtko проработал литературным сотрудником в редакции районной газеты «Сталинская искра». В октябре 1941 г. был мобилизован в Красную армию, в 30-м запасном полку в Уфе получил воинскую специальность телефониста дальней связи. В середине марта 1942 г. попал на Юго-Западный фронт. Начал боевой путь во взводе разведки штабной батареи 214-й стрелковой дивизии второго формирования (с 17 ноября 1942 г. – 50-й гвардейской стрелковой дивизии). Позже стал сержантом, командиром отделения артиллерийской разведки. Участвовал в боях на харьковском направлении, Сталинградской битве, в прорыве Миус-фронта, освобождении Ростовской области, Украины, Белоруссии, Польши, Чехословакии, в штурме Кенигсберга и Берлина. На фронте вступил в ряды ВКП(б).

После демобилизации недолго работал заведующим отделом культуры Киевского района Ростовской области. В 1951 г. окончил Ростовский машиностроительный институт. Работал мастером-технологом, начальником цеха на одном из «закрытых» предприятий в Брянске. В 1954 г. был назначен заместителем директора училища механизации сельского хозяйства. С 1958 г. работал заместителем заведующего, позже заведующим отделом Научно-исследовательского института технологии машиностроения. С января 1990 г. на пенсии, занимался общественной деятельностью, вел поиск однополчан. Награжден двумя орденами Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», другими медалями.

Интервью с В.И. Перетясько проводилось 16 октября 2012 г. в г. Ростове-на-Дону, в квартире респондента в присутствии его супруги. Продолжительность интервью составила 152 минуты. Интервью проводил Е.Ф. Кринко, расшифровывала текст Т.Г. Курбат. Вопросы интервьюеров выделены полужирным шрифтом. Редакторские исправления и добавления в текст внесены в квадратных скобках. В приложении приводится стихотворение, написанное В.И. Перетясько в качестве поздравления к 67-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне.

Василий Иванович, где и когда Вы родились?

Кашарский район, село Песчаное в Ростовской области.

В каком году?

27 января 1923 г.

А родители кто были по происхождению?

Крестьяне. Сейчас беженцы говорят, а тогда переселялись с Украины на Кубань.

Вы из украинцев?

Да, но я рос, как русский, а родители из украинцев.

Вы учились там же, в селе?

В хуторе Песчаном было четыре класса, потом мы переехали в хутор Сычевку, а потом мы переехали в райцентр, село Первомайское, Киевский район тоже, есть село Киевское в Кашарском районе. Вот, если мы заканчиваем, родители переезжают там, где мы, четыре брата, учатся, и так один за одним учатся. Мы переехали в хутор Сычевка, это рядом, совхоз «Индустрия», отец там работал в торговой организации, а потом переехали в районный центр Первомайский. И вот я в Сычевке перешел в седьмой класс, а все равно туда ехать, потому что старший брат уже в восьмой, ну и родители за нами. Мы как бы диктовали свою волю.

Где родители работали?

Ну крестьяне они были, бедняки, а как настала советская власть, ну наделы крестьяне брали в аренду и арендовали. Потом колхозы были, и отец пошел в колхоз, а до этого в районном центре отец продавцом был.

Отец грамотным был, раз продавцом работал?

Ну, два класса у него было, считался грамотный, кому заявление написать...

Вы там школу окончили перед войной?

Значит, среднюю школу окончил старший брат в 1939 г., а я в 1941 г. без отличия...

В Киевском окончили?

Да.

И когда школу окончили?

18 июня 1941 г.

Как узнали, что война началась?

В это время военкомат организовал учения для призывников, соревнования всевозможные, для тех, кто пробежит 10 км, то покатают на самолете. Ну и домой пришли, и война...

Родители сказали?

Радио.

Днем слышали или утром?

Да, днем. Ну, в сельской местности там не включают рано так.

Как восприняли это событие, помните?

Ну вот, как же так, началась война с немцами, с которыми мы заключили союз. Вот как же они так пошли против Советского Союза. В общем, это было, конечно, возмущение, но у нас были тогда лозунги, кинофильмы о Германии.

Вас сразу призвали в армию?

Значит, сразу же, мы, призывники, нас сразу в военкомат и на комиссию. Но у меня по зрению было немного не в порядке, и я только в октябре месяце был мобилизован. Вот весь Киевский, Кашарский район, Миллеровский – и пешком до Сталинграда. Потом на теплоходах до Ульяновска, а у теплохода название «Коммунистка». Высадили нас там, перебивались, как могли.

Плохо кормили?

Ну а где ж? Выстроили нас у военкомата областного, по два пирожка дали. Потом дали сухой паек на теплоход, а где его варить?

Концентрат давали? Просто грызли его?

Да.

В гражданской одежде шли?

Да, мы уже поизносились. Шумели: почему в такой обуви, надо было раньше нас переодеть. А потом предложили купить нам за наш счет ботинки.

Где купить – в магазине, что ли?

Да нет, как-то военкомат организовал. Это было еще до Морозовска, мы пешком шли до Морозовска в село Чистяково. В Чистяково, наверно, целую неделю, разбаловались ребята, ну, конечно, кто выпивает, были такие. И что такое, за обувь. Военкомат организовывал закупку, привозили, мы покупали, кому нужно и кто хотел.

Поплыли откуда?

Поплыли мы из Волгограда. А до Сталинграда пешком. Погода такая была – дожди, наша обувь расплзлась, в общем, грязь, октябрь. Разгрузили нас в Ульяновске, погрузили в вагоны, там «буржуйки», и до города Оша в Челябинской области. Тоже голодно было, варили пшеницу и по котелкам раздавали. Завшивели, конечно, но потом, через неделю, снова комиссия: образование, здоровье. С образованием средним и ниже среднего – в телефонисты, а кто меньше классов – в пехоту, ну и так там куда-то еще.

Вас куда взяли?

В связь. Пришел командир: «Так, кто с образованием средним, выходи. Кто ниже семи классов, выходи. Становитесь». Сразу сказали: «Вот, Вы пойдете с нами». И повели нас в роту связи, на обучение. Ну это уже было, значит, в Оше мы побыли, нас там переформировали в разные части, кто в летчики пошел, комиссия. А нас, как пехотинцев, что ли, в город Уфа.

Там была школа полковая?

Да.

И сколько там проучились?

Около четырех месяцев.

До 1942 г. учились?

Февраль.

И куда Вас потом направили?

Ну, мы там обмундирование получили американское.

Какое обмундирование?

Обувь, ботинки.

Американские?

Да.

Рыжие или черные?

Черные. Обмотки, конечно.

Американские ботинки хорошие были или наши лучше?

Наши лучше, у них холодные. Не знаю, может быть, мы их неправильно оцениваем. Но ходили на занятия, на один час разрешали.

Почему?

40 градусов.

Морозы такие были?

Да.

Ботинки были обычные, не утепленные?

Нет.

Но крепкие?

Так, они крепкие.

Подшва хорошая?

Хорошая, но синтетика была. Ну проучились мы...

А кормили хорошо в полковой школе?

Не, так, средне, потому что бегали воровать картошку.

Куда?

В столовую. Везут в столовую подводу, привозят. Ребята принесут, помыть – не помыть, порежут – и к «буржуйке». Командир зайдет: «Что такое, воняет? Что такое, горит там?» Кормили так, я бы сказал, средне. Ну что? Каша, американской тушенки кусочек. Учились мы, конечно. Старались хорошо.

И куда повезли в феврале 1942 г.?

Ну назначен был день отправки на фронт. Как их так распределяли, что вагон был полностью занят радистами и телефонистами.

Вы были телефонист...

Да. Тревога такая: куда едем, что будет. Поехали мы через Ржев. Высадили нас там, покормили, как следует, в столовой. Поехали дальше: Лихая...

Это уже Ростовская область?

Да, Лихая. Здесь пересадка к северу от Лихой, и вышли мы, пешком же шли, командир какой-то пришел и сказал: «Мне – шестеро ребят». Ну мы с одного села, шесть человек пошли.

Куда?

В связь.

В какую часть попали?

Штабная батарея командующего артиллерии дивизии.

А номер дивизии не помните?

124-я.

Стрелковая дивизия?

Да. Ну высадили нас там, холодно смотрят на нас и говорят: «Да откуда ж вас солдатики везут?» Все желтые [смеется]. Фронтовики, все-таки они там прижились как-то, а бои уже шли в направлении Харькова.

Это был февраль или март?

Март. Тепло было, начало таять. Уже мы определились, в какую часть. Значит, командир взвода, в его распоряжение, а там командир отделения разведки, связи. То есть что я говорю? Когда в часть пришли шесть человек, так телефонист: «Мионов, забери». В отделение разведки артиллерийской.

Вы телефонистом туда пошли?

Нет...

На телефониста зря учились, в разведку взяли?

Да. Ну это было под Харьковом. Весна, май месяц, переброска войск с одного места на другое, но харьковское направление все равно...

Ваша дивизия где стояла? В каком селе?

Бабки.

Чем занимались весной, во время Харьковской операции?

Наблюдали, засекали. Пехота шла в бой, хотя это село Бабки переходило из руки в руки. Вот еще там какое-то село тоже переходило из руки в руки...

Как долго находились в этой части?

Значит, вся дивизия была переброшена в разные районы. Ну она, может, входила в корпус, городишко какой-то... Но мы в городе том не стояли, мы стояли за городом, занимали там оборону, окапывались. Он же бессовестный, немец, навешивает ракеты...

Ночью пускает ракеты?

Да. Ну что, немцев мы не видели, как говорится, еще, не брали в плен, не попадало. Так, это июнь 1942 года.

Про потери под Харьковом и окружение что-нибудь знали тогда?

Нет.

Ничего не сказали?

Нет, ничего. Не состоялось.

Когда отступать начали, куда пошли?

К Дону.

Вся дивизия?

Да. Даже не одна, наверное, потому что отступали, генералы там бегали: «Ложитесь, занимайте оборону!» А мы разведчики. Поехала подвода, мы заняли там по кустикам, по кустикам и за подводой. Ну самолеты все время бомбили, конечно. Он знал, ну не знал, наверное, о слабости наших войск, танки бросил...

Видели немецкие танки?

Да.

Был страх у наших солдат перед танками?

Конечно, это говорят, что не боялись. Конечно, они боялись, когда он на тебя идет, и ты – что будет, то будет. Погиб, значит, погиб. Не погиб, о! Значит, гранату там бросил.

А гранаты были или бутылки?

И бутылки были зажигательные, и гранаты противотанковые.

И куда дошли, отступая?

Коротояк, это южнее Воронежа¹. Собрали всех, остатки. Организован был массовый выезд, доставка солдат без вооружения в район Серафимовича.

Вывели дивизию в район Серафимовича?

Наши войска туда перебросили.

Без оружия перебросили?

Оружие потом. Было так организовано, я не знаю, пушки, артиллеристы, машины, прицепные орудия и самолет-разведчик немецкий докладывает, куда едем. Бомбил. Ну забрались мы. Степь, хутора там небольшие. Серафимович – город, станица справа там, слева, еще правее километров 70–80 – Шолохов². Ну вот, заняли оборону.

Окопы копали?

Конечно.

Успели вырыть?

Да.

И стояли под Серафимовичем?

Да, там, левее Серафимовича форсировали. Оставили дивизию другую. Наша дивизия перед сталинградским наступлением была преобразована в 50-ю гвардейскую стрелковую, от Серафимовича и левее Серафимовича или правее. Ну, когда там стояли, левее Распопинская станица. Там воевали.

За что дивизии дали звание гвардейской?

Значит, заслужила. Воевали же. А может быть, для поддержки штанов [улыбается].

Вы стали гвардии рядовым?

Да.

А значок гвардейский вручили?

Да. Короче говоря, [звание] гвардейской мы получили в городе Ворошиловграде³. Значит, [идет] Сталинградская битва, три раза форсировали Дон. Мы за пехотой. Пехота гребет и стреляет. Вслед за пехотой связисты на плотках связь тянут туда. В общем, пошло большое наступление, мы предупреждены были. Это было 19 ноября.

А до этого где находились? Там же, под Серафимовичем?

Да.

В обороне стояли?

В обороне, форсировали Дон. Для чего? Чтобы потом в нескольких местах создать плацдарм, куда потом можно бросить танки, пехоту, артиллерию, глубиной километров 20 и шириной...

¹ Село, административный центр Коротоякского района Воронежской области, место ожесточенных сражений в годы Великой Отечественной войны. Захвачено противником в начале июля 1942 г.

² Имеется в виду станица Вёшенская.

³ В настоящее время – Луганск.

Вы тоже форсировали?

Ну я форсировал в спокойной обстановке.

На чем переправлялись через Дон?

На лодке. У нас небольшая часть, телефонистов там сколько-то... Значит, войска пошли в направлении села Большое, Чернышевское. Не Чернышковской, а Чернышевское¹ – это на границе Ростовской области и Сталинградской, река... Нас там задержали. В это время немцы бросили войска на юге, прорваться. Войсками, хотел сказать... Немецкое танковое соединение самое крупное, он командовал... И вот там, в район Котельниково с юга...

Манштейн?

Манштейн. Ну, в общем, там они начали наступать резко, и нас тревожить начали.

Они на юге наступали, а Вы севернее?

Да, они растянулись. Мы на севере были, станица Чернышевская. Короче говоря, с боями отбивали атаки немецких танков здесь, в Чернышевской. Он бросал 3, 5, 10 танков. Иногда мы оставляли села некоторые, а потом снова в наступление брали их. Ну а потом Манштейн потерпел поражение на юге. Он продвинулся на 60 км, если не больше, со своими эсэсовцами. Ну и когда у него не получилось, наше командование организовало прорыв вслед за сталинградским, только левее, в районе Вёшки². Дальше еще корпуса: два танковых корпуса, по-моему, 14-й и 16-й, их вооружили, как следует, 300 км. Разрушили там, их танковые соединения стояли на поездах, разрушены были склады, 13 тысяч в плен взяли немцев и попали в окружение. А мы продолжаем. Когда они пошли, мы тоже пошли: Чернышевская, Обливская, Белая Калитва, Лихая, Каменск.

И куда вышли?

Мы вышли в Каменск.

Там остановились?

Нет, там не остановились. Сходу Каменск освобожден... После Каменска войска пошли в наступление в направлении Ворошиловграда. И где-то в феврале, что ли, Ворошиловград был освобожден. Когда были в Ворошиловграде, то меня с 50-й гвардейской дивизии направили на согласование командующего артиллерией корпуса стрелкового. 3-й гвардейский стрелковый корпус... Командир части вызывает и предлагает настойчиво принять отделение связистов. Я его принимаю, и уже это не дивизия, а корпус, и эта наша батарея штабная, так она называется...

Рис. 1–2. Сержант В.И. Перетятко – командир отделения артиллерийской разведки³

А на Миус как попали?

Вот закончилось. В Волгограде шли бои, его не сдали немцам, держали в обороне. И в это время нашу дивизию отправляют на реку Миус.

¹ В настоящее время – станица Советская.

² Станица Вёшенская.

³ Здесь и далее используются материалы архива лаборатории истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН.

Куда именно?

Правее Матвеева Кургана, так, направление Саур-Могилы.

Летом было?

Конечно. И вот здесь, уже с Миуса, я держал связь с корпусом. С наблюдательного пункта дивизии, в которой я служил. Мне так было удобно, потому что ребята-односельчане, и если что-то покушать или где-то заторы, ну так, вообще, общались...

Расскажите, как стояли на Саур-Могиле?

Ну мы там недолго были, связь я туда провел параллельную с разведкой дивизии.

Сколько находились на Саур-Могиле?

Дня четыре.

На самой Саур-Могиле?

Да, около самой вершины.

У Вас там окоп был?

Был окоп, но он не на самой вершине, а на склоне.

Как ранили Вас?

Вот эта Чернышевская высота 188 была захвачена немцами, потом мы ее отбили. Высокая, далеко с нее видно. И наблюдательный пункт прямо был на склоне, и прямо как на ладошке немецкие части. Там я легко ранен был, но я из части не уходил, так царашула.

Почему не уходили?

А почему уходить с такой части? А потом в какую попало пойти, а это в свою, хорошую часть, хорошим пользуешься авторитетом.

Где потом воевали?

Мы прошли Восточную Украину, Донбасс до города Николаева. Это Левобережная Украина. Оттуда мы на отдых. Отдохнули, переформировались – белорусские села. И через некоторое время до ближайшей станции пешком или на повозках, загружаем вагоны – и лошади, и автомашины. У нас такого больше ничего не было в самой штабной батарее. Вот, и едем в город Злынка, рядом с Новозлынковым... И прошли мы всю Белоруссию, Гомель, где-то в районе Гомеля до границы, а это уже 1944 г. В Польшу вклинились немного. Командование распоряжение дало возвратиться на доформирование. Возвратились. Потом перебрасывают войска в район Бреста. Вдруг команда дается: войска бросить на 1-й Прибалтийский [фронт], в район Кёнигсберга. Не самого Кёнигсберга, а вдали 150–300 км. Сдали Кёнигсберг, кругом голая пустыня, и немцев нет почти. Было много женщин, стариков. В общем, взяли Кёнигсберг, а наши войска там осваивались с освобожденной территорией. Кто куда, там часть по квартирам стояли. Трофеи брали мы, когда освобождается город, село большое. Трофеи живьем брали, никому не принадлежит...

Что значит «живьем брали»?

Ну это, корм, курица, свинью.

Забивали, готовили?

Готовили, повар разделывает.

Где войну закончили?

Вот команда грузить поезда. Поездами на Берлин через Польшу, она, конечно, не очень дружелюбная страна, нас встречала тогда. Мы дошли до почти самого Берлина, а на рассвете нас обстреляли немцы, остались пленные в лесу...

Под Берлином войну закончили?

Нет, через Польшу, поездами к Берлину, 60 км – Берлин. Значит, начался бой, 40 км, в лесах засели немцы, большое количество. У них мало вооружения, боеприпасов, танков, горючего. В общем, попали в окружение, и их начала теснить пехота. Они, конечно, сопротивлялись и как можно больше сосредотачивали, чтоб вот этот створ, который соединяет с Германией, с немецкими частями, чтобы держать это, чтобы пусть люди, немцы уходят. Но все равно, триста тысяч там было, сто тысяч взяли в плен, сто тысяч убили примерно, а меня ранило. Ну мы брали их в плен, и русских, и немцев. Шли бои, конечно, война была жестокая, страшная. Много [людей ударилось] в панику, и переходили на сторону немцев, и мы их были вынуждены брать в плен. В Восточной Пруссии немец, прикрывая, а сам в затылки: «Ты, русский, воюй, а если будешь отступать, мы расстреляем».

Рис. 3–4. Благодарности Верховного главнокомандующего

Русский, который у немцев служил?

Да.

Как Вы к таким относились?

Ну как? Есть закон, наша часть же не пехота. Пехотинец мог бы сразу [убить]. Вот немец идет, а пехотинец – они его и мать, и отца убили, и он без всякого суда, так же, как и они...

Вы так не поступали?

Я же не был непосредственно в наступающих частях.

Вы были командиром отделения связи?

Да, моя задача в любую погоду была связь [обеспечить].

Вы сержантом стали?

Да. Это я с Ворошиловграда [шел] младшим сержантом, а потом сержантом.

Закончили войну в каком звании?

Сержант, гвардии сержант. По-разному относились мы к немцам, и они тоже.

А письма писали домой?

Часто. Примерно один раз в неделю.

А кому писали?

Писал своим, с кем учился.

Одноклассникам?

Да, тем, с кем есть сообщение, где они служат, училище артиллерийское оканчивали...

Что писали в письмах?

Ну что? Где наши ребята, с кем они сейчас. Открыто нельзя было писать.

Вам приходили письма?

Ну от того, кому писал.

Из дома получали письма?

Получал.

Кто Вам писал?

Отец или старший брат.

А девушки писали Вам на фронт?

Писали, и я им писал.

Многим или одной какой-то?

Ну на равных. Я сидел за одной партией, и я ей не объяснялся.

Но письма писали?

Писал, но так, скромно.

Стихи не писали?

Не удавалось. Ну где-то там найдешь, с газет.

Фотографии не присылали Вам на фронт?

Две девушки прислали. Кто им давал адреса, не знаю.

Вы их не знали раньше?

Да.

Именно Вам было адресовано письмо или просто «лучшему бойцу»?

Да.

Вы ответили им, переписывались?

Они писали: «Заканчивайте, мы Вас примем, скорей с победой возвращайтесь».

Они были из Вашего села или из другого места?

Из Башкирии, Кубани, а остальные – это односельчане, соученики, сестры, братья.

В соседней части были Ваши земляки?

Шесть человек. Один заболел и уехал.

То, что Вы были знакомы до войны, это было хуже или лучше?

Для меня было лучше. Знали друг друга, в школу ходили, они в 10 км жили, а ходили в школу в районный центр. Я-то там жил, а они на квартирах, а в субботу и воскресенье ходили домой.

И Вы с ними служили?

Да. Один заболел, один попросился в артиллерийское училище и вскорости погиб, лейтенант противотанковой артиллерии. А остальные [ушли уже] после войны, переписывался с ними. Их уже нет.

Вы были верующим до войны?

Нет, неверующий.

И на войне не верили?

Ну так.

Книги и газеты была возможность читать на войне?

Почти нет.

А досуг был какой-то?

Ну конечно.

Свободное время как проводили солдаты?

Приходил комиссар штаба дивизии или артиллерии...

И что делал, политбеседу проводил?

Проводил, об армии, как она оснащена сейчас.

Это политработа?

Политработа.

А как отдыхали? Расскажите.

Значит, у нас пост, наблюдательный пункт круглосуточный, и днем, и ночью, ночью особенно...

А свободное время хоть было?

Довольно много.

Чем занимались?

Значит, наблюдательный пункт, дежурят один или два [человека], а остальные или играют в игру какую-то...

В какие игры играли, в карты?

В карты.

В какую именно игру, в дурака?

На деньги. Командир части гонял нас, отбирал карты, но один был хитрый...

Вы отдельно от командира сидели, могли играть?

Ну конечно, сержант, кто старший – я, другой сержант.

Вы разрешали играть?

Ну мы ж, когда на передовой располагаемся, несколько отделений, представители, ну разведчики, связисты. А так, чем еще...

Кроме карт, какие еще игры были?

Даже не помню.

А песни пели?

Конечно.

Какие песни пели?

Украинские в основном, русские, и «Катюша», и «Война». Разные, пока вспомнишь.

Кто-то подыгрывал на баяне?

Нет. В свободное время, когда располагается на отдых дивизия и, значит, наша штабная батарея, подчиненная начальнику штаба артиллерии корпуса, самостоятельно располагаемся. И связь держим с ними, с командиром части. Нас только смотрит командир взвода, проверяет только. Лейтенант. Ну так вот, когда свободное время, тишина...

Спят?

Шахматы.

Откуда взялись шахматы? Кто-то вырезал из дерева?

Ну не знаю, шахматы были советские.

Фабричные?

Фабричные. А где их брали, черт его знает. Да там, в трофеях можно все забрать.

Это в Германии было?

Необязательно в Германии.

Вы же говорите в трофеях...

Ну трофеи, конечно, на немецкой территории. Где ж мы можем? Советские шахматы.

Домой привезли что-нибудь из трофеев?

Сейчас вспомню. Бинобль.

Армейский?

Да.

Советский или немецкий?

Немецкий. Кроме того, разрешали нам выслать две-три посылки.

Вы послали семье? Маме и папе?

Да.

А что посылали?

Отрезы на костюм.

Это Вам выдали или где-то нашли?

Нет, так же заходишь в немецкий [дом], брошено все. Полазишь, ага, штапель лежит, а куда его возьмешь? Оторвешь там и в вещмешок. Ну а так, что еще? Ну часы, так, по мелочи. Домой [посылали] чулки, скатерть хорошую такую, с отделкой, рубашки такие вязкозные. Демобилизовался, ребятам отдал.

Носили потом?

Да. Костюм такой, поношенный, но более или менее. Не найдешь среди трофеев у немцев костюмов.

У офицеров, наверное, было больше возможностей послать домой что-нибудь?

Он дал команду забрать. Вот повозка, приказал забрать: «Вот вещи мои». Все извозчику.

Извозчик тоже солдат?

Солдат. И в моем отделении был. Ну ухаживали за лошадьми, кормили, и там они при штабе находились.

Что самое сложное было в службе?

Сложно многое.

А что именно?

Питание.

Плохое питание?

Не всегда. Только когда на территории России, в запасном полку.

Там хуже?

Хуже. А на фронте трофеев где-нибудь поймаешь: «Давайте, ребята».

Когда на Миус-фронте стояли, плохо или хорошо кормили?

Да там коротко, даже не знаю. Я протянул связь, и три человека, с которыми я дублируюсь перемычками. Командование вызывает: «Я первый», – это начальник штаба.

А девушки-телефонистки были в части?

Были, даже три.

Вас семь человек, из них три девушки?

Нет, у меня одна числилась.

А три где, в полку?

Нет, штабная батарея.

Ухаживали за ними?

Это нам некогда, это там офицеры.

Молодые девушки, симпатичные?

Молодые. Одна с Ворошиловграда.

Почти землячка...

Я знал ее адрес, был в командировке, а ее там уже не оказалось. Но подруга сказала, что она проживает в Ленинграде. Не в самом, ну там, где-то. Я ей написал несколько писем, а она ответила с удовольствием. Ну она, все они простые. Парикмахерша – ни с кем, другая парикмахерша, у меня связистка. Командир части – взвод разведки, взвод связи и взвод радиосвязи, и хозяйственный взвод...

Женщина-парикмахерша была? За ней командир ухаживал?

Это та, что в моем отделении была, она с Ворошиловграда, и он ее принуждал.

К вступлению с ним в отношения?

Да.

Командир части?

Да.

Удалось ему?

Не очень. Дело в том, что она порядочная была, училась, девять классов [окончила]. Я потом ее подругу нашел в Ворошиловграде, она вышла замуж, а от этого нашего командира мальчик [родился].

У нее родился мальчик от него?

Да, и она скрыла. Он писал ей письма.

Хотел жениться?

А как? У него семья.

О чем он ей письма писал?

А откуда я знаю? Он звал ее: «Давай, сойдемся». А он старше ее лет на 20, она не хотела, а потом она родила вот этого мальчика...

Ее демобилизовали?

Да. Познакомилась с раненым летчиком, вышла замуж.

Это после войны уже?

Да.

Если б он ее не принудил, у нее были бы проблемы по службе?

Ну он сделал, что он сделал. Там начальство. Переговорил и поговорил с другой частью, подчиненной. Мы же штаб дивизии артиллерии, а есть же полки, дивизионы, договорился. Вам пришем на пополнение. Отказалась у него служить, и она ушла от него. Туда ушла. Через два месяца вижу ее: «Зина, ну как?» – «А что, я не сдаюсь». А потом там же условия другие, в линейной батарее. Там орудия, надо доставлять на передовую, а артиллеристы далеко стоят от передовой – 3, 5, 6, 10 км от передовой, с утра. Ну она на наблюдательный пункт, может, они носили. Потом вдруг приходит она к нему, к командиру части, уж как там был разговор? Сдалась, в 1944 году. И поехала домой рожать. И все. Родила. Она его в письмах обругивала: «нахальный».

А как узнали, что она о нем пишет?

Ну я же поехал к ней в Ворошиловград, а она уехала с этим мужем.

Летчиком?

Да.

Это она Вам сама рассказала?

Да.

Вы встретились?

Да. И она, по-моему, через восемь лет снова сошлась. Он майор, подполковник железнодорожных войск. Ну он заболел серьезной болезнью и умер. И вот, осталось двое [детей], один взрослый более или менее, а другой молодой. Вот она рассказала все, что писала, кому писала. Десять дней был у нее в Ленинграде. Ночевал у нее...

Уже после смерти мужа?

Да. Два мальчика у нее. Старший, военный, уже десять лет был как женат, а младший... Но они не знали, что они братья. Она не хотела. Потом она узнала, что он умер, командир части. Там узнали, что он ребенка имел. Где-то просочилось, письма или кто сказал... Еще фельдшер была одна, такая хорошая, кончилась война, она вышла замуж, дружила с одним там, с другой части, который обязательно должен находиться в нашей части. Если что такое, он едет со срочным донесением.

Он тоже был фельдшером?

Офицером.

Только с офицерами девушки могли встречаться, с солдатами не могли?

Всякое было. Это батальон связи – это 90 % девушек.

Там другая ситуация?

Да. Батальон связи командиру дивизии подчиняется или его заместителю. А при штабе они там стирают мужикам, шьют.

Вы уже после войны женились?

Да, я учился в одной группе РИСХМа¹, конструкторский отдел...

По Германии и Польше в сапогах шли или в ботинках по-прежнему?

Ну я в сапогах, я себе еле-еле пошил...

Как пошили? Сапожная мастерская в части была?

Ну да, у нас сапожная была. Материал я там подыскал и через ординарца командующего: «На, говорю, пусть сделает». А так – в обмотках. Ну кто как мог.

А как со вшами боролись?

Ну смотрели.

Порядок был?

Фельдшер смотрел, не допускали.

А 100 граммов «наркомовских» давали?

Давали, и были любители, которые вот, кто-то не пьет, он ему [дает]. И один старший сержант, так он боевой, конечно, товарищ... Но я не выпивал, насильно иногда, как-то был какой-то праздник.

Германия какое впечатление оставила?

Ну трудно [сказать], Германии как таковой мы не видели.

А Польша?

И Польшу тоже проскоком. Мы проезжали проездом.

Запомнились какие-то черты, что у них лучше или хуже, чем у нас?

Ну они как-то и разговаривают напыщенней.

Кто, поляки или немцы?

Поляки. Немцы вообще не разговаривали. Ну мы же немецкого не знаем.

Боялись немцы наших солдат?

Боялись.

Прятались?

Прятались. Искали их.

Девушек тоже прятали, наверное?

Прятали.

Когда Вы за трофеями приходили, уже не было никого?

Вот город освободили, они попрятались, сидят. Фабрика разоренная, по-моему, телефонная, телефонной связи. И тут, значит, у них комитет помощи бедным, раненым. Они вроде как поддерживали наши войска. Одна бабушка с девчонкой, внучкой, на эту

¹ Ростовский институт сельскохозяйственного машиностроения, в настоящее время – Донской государственный технический университет.

фабрику приходят, а на фабрике разбросано все, уже там побывали, что надо-то забрали. «Что вы ищете?».

По-русски говорили?

Да не, у нас там я чуть-чуть говорил: «Что вы ищете?» – «Да, вот, вот это». А потом выяснили, зонтик детский нужен.

Спасибо за рассказ.

Рис. 5. В.И. Перетьячко. 2012 г.

Приложение

Стихотворение В.И. Перетьячко

Победа! Наша Великая Победа!
Она добыта огромной ценой.
Как танковая гусеница, она
Безжалостно прошла по нашим судьбам...
Наша юность осталась там, в бою
Ничего забыть я не могу:
Ни четыре кровавых года –
Я сквозь них и сегодня бегу,
Не жалея солдатского пота.
Ни себя – сержанта разведки и связи,
Сражаясь в огне рвавшихся бомб и снарядов,
Ни свой взвод, посиневший в снегу,
Ни жарой опаленной их лица.
Ни могил у обочин дорог,
Ни своих друзей – командиров
И солдат, павших в сраженьях.
Никогда не прощу я врагу –
Ни жестокость, ни горе утраты.
Ничего не забыть не могу:

Ведь, сражаясь за Отчизну свою,
Я прошел от Сталинграда до Берлина!
В своем сердце этот путь берегу
С первых дней до 9 мая.
Вечно буду помнить победную весну
И победное Знамя!
[2012]

Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

УДК 929/947.0

«Я прошел от Сталинграда до Берлина»: интервью с Василием Ивановичем Перетяtko

Подготовка к публикации, введение и комментарии
Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Татьяна Георгиевна Курбат

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
E-mail: narodwar@mail.ru

Аннотация. Интервью с Василием Ивановичем Перетяtko было посвящено его военной биографии и фронтовой повседневности в годы Великой Отечественной войны. В.И. Перетяtko участвовал в Харьковском сражении, Сталинградской битве, прорыве Миус-фронта, освобождении Ростовской области, Украины, Белоруссии, Польши, Чехословакии, штурме Кенигсберга и Берлина.

Ключевые слова: В.И. Перетяtko, Великая Отечественная война, фронтовая повседневность, устная история, военные воспоминания.